

РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ В БОЛГАРИИ 60-х гг. XIX в. И ТАНЗИМАТ

И. Ф. Макарова

Попытка реформировать систему образования в Дунайском вилайете — обширной османской провинции, основную часть христианского населения которой составляли болгары, — была предпринята губернатором А. Мидхат-пашой, занимавшего этот пост в 1864–1868 гг., практически сразу после вступления в должность. Суть нововведения состояла в отмене конфессиональной сегрегации в процессе обучения. Для болгар данное новшество означало удар по той системе образования, которая сформировалась в регионе во второй трети XIX в. благодаря инициативе местных общин. Светские, национально ориентированные училища возникали в болгарских землях спонтанно и децентрализованно, были общедоступны и бесплатны, никогда не знали сословного принципа. И, что особенно важно, в своей деятельности они были фактически ограждены от вмешательства турецкой администрации. Гарантом этого феномена была османская система миллетов (конфессиональных общин), сложившаяся в общих чертах ещё в XV–XVI вв. Права и привилегии, закреплённые за греко-православным, армяно-григорианским и иудейским миллетом, обеспечивали иноверным подданным султана значительную степень конфессионально-юридической и церковно-административной автономии, в том числе и в вопросах образования¹.

В донесениях современников событий — российских консулов, аккредитованных в столице Дунайского вилайета Рушукке (В. Ф. Кожевникова и А. Е. Сученкова), — также, впрочем, как и в исторической литературе², прослеживается вполне отчётливая тенденция рассматривать преобразования, предпринятые Мидхат-пашой в гуманитарной сфере, прежде всего, с позиций оценки личности нового губернатора. Не оспаривая значение личностного фактора, хотелось бы, однако, остановиться на аспекте, который обычно остаётся вне поля зрения славистов. В данной статье речь пойдёт о связи инициатив Мидхат-паши с теми системными преобразованиями, которые проводились в это время в Османской империи в рамках общего курса реформ (Танзимата). Базой для исследования стали многочисленные архивные документы из фондов АВПРИ и ГАРФ, часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Гуманитарные инициативы Мидхат-паши, предложенные им в 1865–1867 гг., органично связаны с проблемами, остро вставшими перед османским кабинетом в рамках реализации обещаний, сформулированных в знаменитом султанском указе Хатт-и хумайун (1856 г.). По словам российского посланника в Константинополе князя А. Б. Лобанова-Ростовского, в основе этого документа лежала «утопическая мысль» британского посланника лорда Рэдклифа о возможности «слияния во едино» всех турецких подданных³. В будущем, по его замыслу, эта новая синтетическая общность должна была стать «не турецкой, и не армянской, и не греческой, и не славянской, но той, которая абсорбирует все эти расы в один общий интерес

политической стабильности, материального благоденствия и равноправного участия в одних и тех же правах и обязанностях»⁴. При султанах Абдул-Меджиде I (1839–1861) и Абдул Азизе I (1861–1876) данная концепция, получившая в историографии название «османизма», была возведена Портой в ранг государственной доктрины⁵. Процесс её реализации был неотделим от реформы системы миллетов и отмены конфессиональной сегрегации в сфере образования. На повестку дня выдвинулась задача создания учебных заведений смешанного типа, призванного воспитывать детей в духе единения и веротерпимости.

Для обсуждения конкретных шагов по преобразованию греко-православного миллета уже в октябре 1858 г. Портой был созван церковно-народный собор из представителей духовных лиц и делегатов от провинций. Заседания проходили под непосредственным патронатом правительства и в соответствии с предложенной им программой. По мнению автора анонимной аналитической записки, поступившей в распоряжение российского МИД и составленной по итогам этой «национальной ассамблеи», Порта, прикрываясь рассуждениями о «пресечении злоупотреблений и заботой о достоинстве духовенства», на самом деле «добивалась секуляризации церкви и отмены национальных привилегий»⁶. Среди решений собора наиболее серьёзные последствия имело постановление, согласно которому при главах церковных ведомств учреждались советы с участием мирян.

В рамках программы по реорганизации системы миллетов в 1862–1865 гг. Портой также был издан ряд законов, ограничивавших властные полномочия православного, армяно-григорианского и иудейского духовенства. В соответствии с ними заново регулировался статус религиозных общин, порядок избрания и финансирования их высших органов. Контроль над мирскими делами передавался в гражданские советы при главах миллетов. На эти советы возлагались не только административные функции, традиционно связанные с курированием школ, больниц, но и судебные, находившиеся ранее исключительно в компетенции духовенства.

Все эти шаги должны были, по замыслу правительства, способствовать секуляризации и гомогенизации османского общества. Финансирование институтов православной церкви фактически переходило в ведение Порты. В соответствии с соглашением, заключённым в 1865 г. между константинопольским патриархом Софронием III и Портой, правительство обязалось ввести новый фиксированный налог, сборы от которого передавались на обслуживание нужд церкви⁷.

Последствия этих нововведений для православного населения Балкан были оценены в марте 1867 г. управляющим российским консульством в Адрианополе М. И. Золотарёвым крайне негативно. По его мнению, инициативы Порты способствовали лишь распространению в среде христиан «безнравственности и коррупции»⁸. Особенно пострадало, по его словам, дело народного образования. Если раньше болгарские училища, докладывая он российскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву, «содержались благодаря сбору незначительного налога, то с целью воспрепятствовать развитию образования власть строго запретила его сбор, и они лишены сейчас средств и находятся в исключительно жалком состоянии»⁹.

Для болгарских провинций эти нововведения имели последствия особого рода. Учреждение гражданских советов способствовало росту влияния органов общинного самоуправления. Это привело к резкой активизации национально-церковного движения и стало сигналом для повсеместного изгнания владык — ставленников Константинопольской патриархии (вне зависимости от их этнической принадлежности), — а также передаче всей полноты церковно-административной власти непосредственно под контроль местных общин¹⁰.

Именно на фоне этого всплеска общественной активности населения и произошла попытка вмешательства Мидхат-паши в сферу новоболгарского образования. Руководствовался новый губернатор, скорее всего, логикой эксперимента, связанного с проведением реформы судебно-административной (вилайетской) системы, призванной заполнить вакуум, начавший образовываться в правовой сфере после начала реорганизации системы миллетов. В новых условиях права губернатора существенно расширились. В число его обязанностей отныне входило и курирование вопросов образования. Для этой цели в структуре губернского аппарата предусматривалось создание профильного управления по делам просвещения.

Конкретным поводом для вмешательства Мидхат-паши в сферу новоболгарского образования стала неразбериха, возникшая в финансировании христианских школ после начала реформирования греко-православного миллета. До этого момента болгарские училища находились в относительно благополучном состоянии, а их число неуклонно росло. Так, например, если в 1835 г. в болгарских провинциях насчитывалось 175 сельских школ, то в 1865 г. их количество увеличилось до 917, в городах за тот же период рост составил около 100 % (с 33 до 69 учебных заведений)¹¹. Сбой в выделении средств, предназначавшихся ранее на содержание училищ, связанный с изъятием школ из ведения духовенства (а в реальности местных общин), поставил учителей в трудное материальное положение. Ссылаясь на тяжёлую финансовую ситуацию, в которой летом 1865 г. оказалось главное училище в Тырново (отсутствие денег на зарплату преподавателям), Мидхат-паша предложил кардинальное решение проблемы. Согласно информации, собранной консулом в Руссике В. Ф. Кожевниковым, губернатором был поставлен вопрос об изъятии всех школ (за исключением начальных) из ведения общин и создании учебных заведений смешанного типа для обучения детей мусульман и христиан¹². Деньги, собираемые ранее приходами на содержание школ, отныне должны были поступать в специальный фонд, а недостающие средства добираться за счёт дополнительного налогообложения. В этой связи администрация распорядилась закрыть в Тырново главное православное училище и начать строительство нового, расположенного на равном расстоянии от христианского и исламского кварталов. Однако и православные, и мусульмане воспротивились данному новшеству столь решительно, что губернатор вынужден был уступить, тем более что благодаря материальной поддержке ремесленных корпораций ситуация вокруг тырновской школы была оперативно урегулирована.

Поясняя ситуацию, В. Ф. Кожевников особо отмечал, что предложение Мидхат-паши, при всей его шокирующей новизне, не следует квалифицировать

как волюнтаризм губернатора. По его мнению, данный проект представляет собой попытку реализации благополучно забытого всеми указа Порты от 1860 г., нацеленного на практическое претворение в жизнь идеи «слияния наций»¹³. Этот указ предусматривал создание школ мультиконфессионального типа, воспитанники которых призваны были составить впоследствии костяк нового поколения государственных служащих. Однако из-за отсутствия кадров, средств и заинтересованности сторон инициатива правительства так и осталась тогда на бумаге.

По всей вероятности, именно неудачи, связанные с практической реализацией указа 1860 г., побудили константинопольского патриарха Софрония III и Н. П. Игнатьева весьма легкомысленно отнести в 1865 г. к предложению Мидхат-паши. Оба они сошлись во мнении, что этот проект, как и многие другие, «останется мёртвой буквой за отсутствием материальной возможности его выполнения»¹⁴. По мнению Н. П. Игнатьева, причиной тому должны были стать «оппозиция общин» и «недобросовестность турецких чиновников», которые, скорее всего, найдут собранным средствам «иное назначение»¹⁵.

Однако российский дипломат и патриарх явно недооценили деловые качества и степень настойчивости нового генерал-губернатора. В январе 1866 г. (после возвращения из очередной поездки в столицу) Мидхат-паша вновь вернулся к своей идее. На этот раз он предложил проект по учреждению начальных муниципальных школ смешанного типа, в которые зачислялись бы дети 8–10 лет. Реакция мусульман была резко отрицательной. «Правительство может приказывать что угодно, но мы не дадим ни пара на создание школ, где наши бедные дети должны будут находиться вместе с детьми гяуров!» — якобы заявили они¹⁶. Болгары в своём подавляющем большинстве также не были склонны поддержать идею губернатора. Они опасались, что, общаясь в школе с «представителями господствующей нации», их «дети легко могли бы утратить чувство своей национальной принадлежности и предать забвению основные принципы религии»¹⁷.

Несмотря на реакцию отторжения, реорганизация традиционной системы обучения всё же состоялась, причём не только на территории Дунайского вилайета. Политический кризис 1866–1869 гг., заставивший западных дипломатов обратить самое серьёзное внимание на проблему модернизации Османской империи, способствовал продвижению преобразований и в гуманитарной сфере. В октябре 1867 г. Порте была вручена коллективная нота стран-гарантов Парижского договора, в которой державы подводили неутешительный итог одиннадцати лет реформ¹⁸. Среди внушительного перечня недоработок, нуждающихся в срочном устранении, дипломаты указали и на традиционную систему обучения молодёжи. Порта была вынуждена принять ультимативные рекомендации к исполнению.

В том же месяце Мидхат-паша огласил в своём вилайете новый вариант проекта реформы образования. На этот раз он базировался на записке, направленной Порте в феврале 1867 г. министром иностранных дел Франции маркизом де Мустье. По информации нового российского консула в Русуке А. Е. Сученкова, данный вариант предполагал создание училищ трёх видов — начальных, подготовительных и лицеев, находящихся в ведении единой дирекции (председатель — мусульманин,

советники и инспекторы — мусульмане и христиане в равных пропорциях)¹⁹. В начальных школах смешанный конфессиональный состав учащихся не предусматривался. Совместное обучение планировалось лишь на следующих ступенях. Содержаться начальные и подготовительные училища должны были, как и прежде, на доходы местных общин. Средства на содержание дирекции и лица предусматривалось отчислять в качестве процента от налогов («3 пиастра с каждого горожанина и по 1 пиастру с каждого поселянина в год»)²⁰.

Оглашённая в Рущукe данная инициатива, по сведениям А. Е. Сученкова, поддержки со стороны общин не нашла²¹. Для христиан новым аргументом для отторжения стали слухи о порядках, царивших в открытых ранее смешанных училищах (ислахане) Софии и Ниша. В народе поговаривали, что «учеников ислахане почти никогда не пускают в церковь», что их «директора, преподаватели, смотрители и сторожа — все из турок» (в лучшем случае, лишь один — болгарин), что в стенах этих школ мусульманским детям разрешается наряжаться православными священниками и издеваться таким образом «над последователями христианской веры»²².

Однако на этот раз Мидхат-паше удалось реализовать задуманное. Ислахане в Рущукe было открыто, но не в ущерб делу новоболгарского образования. По информации секретаря российского консульства в Рущукe И. В. Белоцерковца, ислахане, содержащееся на средства добровольных пожертвований православной и мусульманской общин, начало функционировать параллельно с традиционным болгарским училищем²³. Впрочем, хотя программа обучения в новом заведении предлагалась весьма привлекательная (дети получали не только основы элементарного образования, но и навыки различных ремёсел — преимущественно портняжного и сапожного), популярностью в среде христиан оно не пользовалось. К июню 1869 г. в нём насчитывалось не более 15–20 христианских детей против 1500, посещавших болгарское училище²⁴.

Решающий перелом в традиционной системе новоболгарского образования произошёл лишь в сентябре 1869 г., когда состоялось давно ожидаемое событие в рамках реализации проекта «слияния наций» — обнародование обширного Органического закона о всеобщем образовании. В основу этого документа разработчиками была положена уже упоминавшаяся записка министра иностранных дел Франции. Впрочем, принятие Органического закона нельзя расценивать исключительно с позиций механического насаждения на османскую почву западных образцов. С точки зрения великого визиря Али-паши, прописанная в этом документе реформа полностью соответствовала потребностям местного социума. Свою позицию по данному вопросу он исчерпывающе обосновал султану ещё в конце 1867 г. «Основная причина, — писал он, — почему управление нашими немусульманскими подданными день ото дня становится труднее и почему в их душах всё сильнее разгорается огонь враждебности и ненависти, состоит в том, что у нас нет современных школ, поэтому греческие дети посылаются в Грецию, а болгарские дети — в Россию, так что воспитание всех наших христианских подданных принимает враждебное направление. А потому крайне важно для устранения

столь большой опасности, чтобы мы как можно быстрее создали и усовершенствовали школы, где дети мусульман и христиан будут обучаться совместно»²⁵.

Реорганизацию подталкивало и исключительно низкое качество так называемого народного образования. В 1867 г. М. И. Золотарёв, имевший возможность ознакомиться с деятельностью болгарских и греческих училищ Адрианополя, представил Н. П. Игнатьеву подробный отчёт об их работе²⁶. В начальных школах, где обучение составляло два-три года, дети усваивали, по его словам, лишь самые азы — учились «читать и немного писать». Центральное училище, выполнявшее функцию гимназии, состояло из 5 классов, в которых обучалось 90 учеников, но весь преподавательский состав ограничивался двумя учителями. Хотя формально в списке предметов значились география, арифметика, история, французский язык и древнегреческая литература, реально получаемые знания были, по его наблюдениям, мизерны. Например, по арифметике далее дробей знания юношей не распространялись, по-французски подростки едва умели читать. Женские начальные школы и два так называемых высших училища произвели на русского дипломата ещё более удручающее впечатление. Девочки умели, в лучшем случае, читать и писать, а также пользоваться четырьмя правилами арифметики.

Принятый Портой новый закон детально регламентировал структуру всеобщей системы образования. Устанавливалось деление школ на две категории — публичные (управляемые и контролируемые государством) и частные (управляемые общинами, организациями или частными лицами, но также контролируемые государством). В их стенах предусматривалось введение многоступенчатой системы обучения: начальное — для детей, среднее — для подростков (рюшдийе), подготовительное — для поступления в лицей (идадийе), затем — сам лицей, и, наконец, специальное или высшее образование. Обязательные для посещения начальные школы с четырёхгодовалым курсом (отдельные для мусульман и иноверцев) по-прежнему содержались за счёт местных общин. Средства для школ рюшдийе (также конфессионально ориентированных) выделяли местные органы власти, но посещение их уже не носило обязательного характера. Школы для поступления в лицей, сам лицей и высшие учебные заведения должны были стать общими для мусульман и иноверцев. Обучение в них предполагалось платное, но одарённые дети бедняков от платы за поступление освобождались.

Предполагалось, что Органический закон будет долговременной основой для деятельности Порты в области просвещения. Он действительно позволил добиться некоторых количественных результатов. Например, общее число школ для подростков возросло с 87 в 1868 г. до 386 в 1874 г. (причём 160 из них на территории Румелии)²⁷. В болгарских провинциях количество училищ в сельской местности выросло с 1142 в 1870 г. до 1435 в 1877 г.²⁸ Благоприятным следствием реформы стало значительное увеличение тиражей издаваемых книг. Сохранились сведения, что если в 1864–1865 гг. главная государственная типография Стамбула печатала около 92 тыс. экземпляров, то в 1870–1871 гг. её тиражи возросли до 122 тыс.²⁹

Однако масштабных гуманитарных задач эта реформа решить не могла. Совместное обучение успехом у населения по-прежнему не пользовалось. Так,

например, в подготовительных школах в начале 70-х гг. насчитывался всего 261 ученик, а стамбульский лицей Галатасарай так и остался единственным государственным учреждением этого типа³⁰. Христиане, армяне и иудеи старались избегать совместных школ, предпочитая отдавать детей в частные, желательные патронируемые иностранцами учебные заведения — католические и протестантские колледжи. Сохранились данные, что, благодаря усилиям католических миссионеров, в начале 70-х гг. XIX в. на территории европейской Турции функционировало 29 католических школ, из которых 19 были специально открыты для обучения болгарской молодёжи³¹. Протестантских школ было относительно немного. Среди них наибольшим успехом пользовался основанный американскими миссионерами Роберт-колледж.

Трудно судить, чем обернулись бы для болгар в конечном итоге гуманитарные преобразования эпохи Танзимата, если бы не подоспевший в 1875 г. Восточный кризис и не принесённое на штыках русских войск освобождение. Ещё в январе 1866 г. В. Ф. Кожевников был вынужден признать, что, в отличие от основной массы соотечественников, наиболее состоятельная прослойка болгар оказалась весьма восприимчива к проектам Мидхат-паши³². На рубеже 60–70-х гг. XIX в. серьёзную озабоченность по поводу высокой вероятности благоприятных перспектив реализации идей османизма выражали в секретных докладах на имя императора Александра II министр иностранных дел А. М. Горчаков и посол Н. П. Игнатъев³³. Впрочем, хотелось бы надеяться, что они ошибались, а предложенная некогда лордом Рэдклифом модель «слияния наций» действительно была утопией.

¹ Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society / ed. by B. Braude, B. Lewis. N.Y., 1982. V. 1–2.; *Kamel S. Abu Jaber: The Millet System in the Nineteenth Century. Ottoman Empire // The Muslim World*. 1967. V. 62, № 3; *Karpat K. An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations*. Princeton, 1973.

² Драганова С. Материали за Дунайския вилайет през 50–70-те години на XIX в. София, 1980; Плетньов Г. Мидхат-паша и управление на Дунайския вилайет. Велико Търново, 1993; Фадеева И. Л. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977; Фадеева И. Л. Реформаторская деятельность Мидхат-паши в Болгарии в 60-х годах XIX в. // Тюркологический сборник 1973. М., 1975; Фролова М. М. К вопросу об отношении Н. П. Игнатъева к болгарскому просвещению в 60-е гг. XIX в. // *Bulgarian Historical Review*. 1994. № 2–3; *Léouzon D. Midhat Pacha*. Paris, 1877.

³ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София, 1987. Т. 1. Ч. 2. С. 154–155.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи / османизм-панисламизм/. XIX – начало XX в. М., 1985. С. 56–96.

⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. I. Д. 555. Л. 1–9.

⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1860. Д. 36. Л. 95–96.

⁸ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София, 1990. Т. 2. С. 399.

⁹ Там же.

-
- ¹⁰ *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 226–254.
- ¹¹ *Димитров А.* Подъем на новобългарското образование // История на България. Т. 6. Българско възраждане. 1856–1878. София, 1987. С. 92.
- ¹² *Русия и българското ...* Т. 2. С. 253–255.
- ¹³ Там же. С. 253–254.
- ¹⁴ Там же. С. 259.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *АВПРИ. Ф.* Посольство в Константинополе. 1866. Д. 2182-б. Л. 14 об.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Schopoff A.* Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie. 1673–1904. Firmans, bérats, protocoles, traités, capitulations, conventions, arrangements, notes, circulaires, règlements, lois, mémoires etc. Paris, 1904. С. 85–89.
- ¹⁹ *Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876 // Документи и материали.* София, 2002. Т. 3. С. 129–130.
- ²⁰ Там же. С. 130.
- ²¹ Там же. С. 128.
- ²² Там же. С. 128–129.
- ²³ Там же. С. 468.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Фадеева И. Л.* Официальные доктрины ... С. 241–242.
- ²⁶ *АВПРИ. Ф.* Главный архив. II-12. 1867. Д. I. Л. 86–91 об.
- ²⁷ *Новичев А. Д.* История Турции. Новое время. Л., 1978. Т. 4. Ч. 3 (1853–1875). С. 189.
- ²⁸ *Димитров А.* Подъем на новобългарското образование ... С. 92.
- ²⁹ *Новичев А. Д.* История Турции. С. 189.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Генчев Н.* Франция и българското духовно възраждане. София, 1979. С. 101, 137.
- ³² *Русия и българското ...* Т. 2. С. 255.
- ³³ *Макарова И. Ф.* Влияние Танзимата на формирование балканской политики России // Новая и новейшая история. 2011. № 3.